

ОН БЫЛ за-
программирован,
казалось, жить лет
двести. Могучий ор-
ганизм, переживший
такие нагрузки - и
творческие, и, мягко
говоря, нетворческие.
Мощнейшая энергетика:
его голос способен взры-
вать, разрывать, вспары-
вать пространства и души.

НАВЕРНО, все очень та-
лантливые люди обладают да-
ром пророчества. Высоцкий
напророчил и собственную
судьбу, написав в последнем
стихотворении: *“Мне есть что
спеть, представ перед Все-
вышним, мне есть чем оправ-
даться перед ним”*. Он сказал
еще как-то незадолго до ухода:
“Я или умру, или выскочу”. Не
выскочил. Не удалось.

«Но я приду по ваши души»

ДА и не могло, наверное,
удаться. Есть люди, которые
всю жизнь тлеют, копят, изо
всех сил оберегают себя, лю-
бимого, холят и лелеют - а уж
если расходуют, так предельно
экономно. Высоцкий жил
взахлеб, вразнос, наотмашь,
сжигая себя, а в последнее вре-
мя - уничтожая. Жить, не впи-
сываясь в эпоху, не принимая
правил игры, - в этом Высоц-
кий разделил судьбу самых яр-
ких, одаренных, трагических,
свободных и самых неугодных
официальной эпохе людей:
“Мы тоже дети страшных
лет России, безвременье вли-
вало водку в нас”.

Иноходец

Таких людей невозможно
представить в почтенной ста-
рости. Да, впрочем, трудно
представить Высоцкого и в
нашем времени - как ни парадоксально, он родился и жил
очень вовремя, то было его
время, убившее его и при этом
давшее ему дыхание, - то, а не
наше, которое, казалось бы,
он бы так поприветствовал.

Думаю, многое сегодня бы-
ло бы для него не менее не-
приемлемым, мучительным,
чем тогда, в брежневские вре-
мена. Да он и сам, опять-таки
пророчески, про это написал:
“Я не умру мучительной
жизнью, я лучше скорой смер-

тью оживу”. Кощунственно,
быть может, но он действи-
тельно жив во многом потому,
что его давно нет с нами, а он
все приходит “по наши души”.

Он был обречен жить на
разрыв аорты. И умереть, не
дожив до благородных седин,
почестей и оздоровительного
бега трусцой. Его вдова, Люд-
мила Абрамова, сказала: “Если
бы он не умер тогда, в 1980-м,
все равно бы скоро сгорел”. Он
умел все делать только на гра-
ни, запредельно - работать, со-
чинять, петь, пить, любить,
дружить. Жить. На износ, на
самоуничтожение, “на свой, не-
обычный манер”. Но иначе не
мог и не хотел: *“Рвусь из сил и
из всех сухожилий”*, *“я коней
своих нагайкою стегаю, пого-
няю”*, *“я скачу, но я скачу иначе...
по-другому, то есть - не
как все”*... Он шел по жизни
без страховки, как его герой
канатоходец - *“по канату, на-
тянутому, как нерв”*. Его гер-
ой сорвался. Он тоже.

«Не ломаюсь, не лгу - не могу!»

ЛУЧШИМ ито-
гом его концертов
были для него по-
рванные струны ги-
тары и содраные до
мяса пальцы.

И, как ни стран-
но, именно в этой
его счастливой само-
отдаче, хоть и завер-
шившейся трагиче-
ским самосожжени-
ем, - суть его нату-
ры. Но мысль не от-
пускает: нужен ли он
сегодня? С этим его:
“Не ломаюсь, не лгу
- не могу. Не могу!”

“У нас любить
умеют только мертвых...” Нет, его как
раз куда больше люби-
ли живого. Он мог
победить любую ау-
диторию. Его обожали шофе-
ры, рыбаки, спортсмены, кос-
монаути, академики, врачи, зе-
ки, студенты, продавщицы,
стюардессы. “Доценты с кандидатами” и слесари - все счи-
тали его, “всенародного Воло-
дю”, своим в доску, и после не-
го другого такого “всенародно-
го” у нас не было. “Мы пони-
маем эту ностальгию по быв-
шим современникам своим...”

Так неужели он был сверх-
востребован и суперлюбим
только в застойные, тухлые,
глухие годы, когда его уничтожи-
вали унижением, незамечанием,
когда его попросту вычер-
кивали из искусства, из жизни,
не выпускали пластинки, выре-
зали из фильмов песни, не дава-
ли сниматься и снимать? Не-
ужели мы так привыкли: все,
что истинно, - непременно
должно быть вопреки? А он то-
гда переживал, хотя и странны
эти ребяческие переживания
человека такой одаренности и
внутренней свободы. Теперь,

когда открывают в его честь
мемориальные доски, его именем
называют улицы и горы, когда изданы тома его сочине-
ний и выпущено полное собра-
ние записей, странно вспоми-
нать, что его не принимали ни в
один творческий союз, не дава-
ли званий. Иноходец. Он всегда
выбирался “своей колеей”.

Сейчас в моде этакая душев-
ная некрофилия - все разреше-
но, и прорвало плотину. Уси-
лленно ищут грязицу, порчу, по-
рохи в жизни ушедших. Словно забыв, во-первых, что, по Чехо-
ву, “талантливый человек в
России не может быть чистень-
ким”, и, во-вторых, по Пушки-
ну, даже если он “мал и мерзок,
но не так, как вы, - иначе”.

Всем жаждущим “правды”
и только правды о жизни Вы-
соцкого лучше бы вслушаться
в его песни: *“Я не люблю, ко-
гда мне лезут в душу, тем бо-
лее - когда в нее плюют”*, и
*“когда чужой мои читает
письма, заглядывая мне через
плечо”*, и *“я ненавижу сплет-
ни в виде версий”*.

Да, любят и умеют у нас,
как нигде, сотворять себе куми-
ров, а после сладострастно их
развенчивать. Либо в ноги, ли-
бо - в ухо. Вот и сейчас, спохва-
тившись, возлюбили Высоцко-
го (кстати, ненавидевшего, по
той же песне, “почестей иглу”) -
все эти мемориальные доски,
музейные экскурсии, чудовищ-
ные памятники (лишь один хо-
рош - в таганском театральном
дворике). Высоцкого, кто-то
уже заметил, стали насаждать,
как картошку при Екатерине.
Но опять же сам он будто все
предвидел: *“...Как венец моего
исправления - крепко сбитый
литой монумент при огром-
ном скопленье народа откры-
вали под бодрое пенье - под
моё - с намагниченных лент”*.
А в финале этой песни он
“ушел всенародно из гранита”.

Он даже жизнью в конце
концов распорядился, как хо-
тел: *“Я разгрязу серебряный
ошейник, порву бока и выбегу
в грозу”*.

Марина МУРЗИНА